

«ПИСЬМО» М.ВОЛОШИНА: К ОСМЫСЛЕНИЮ КАТЕГОРИИ ПАМЯТИ

Л.Н.Дзиковская

(кандидат филологических наук, доцент, Измаильский государственный гуманитарный университет)

У статті аналізується категорія пам'яті в літературно-критичній і поетичній спадщині М.Волошина.

The author analyses the category of memory in M.Voloshin's lyrics and literary critical works.

Объяснение той роли, которая в современном искусстве (в частности, в литературе) отведена проблеме времени, имеет не только сугубо искусствоведческий аспект – оно связано с одной из основных целей человеческой культуры – “преодолеть недолговечность человека, ограниченность его бытия” (1, 149).

В этом противоборстве с бренностью человеческого существования, в накоплении и сохранении информации о человеке и человечестве, в постоянном осмыслении прошлого и предвидении будущего и осуществляется основная роль времени в искусстве.

Создавая художественное произведение, художник тем самым творит определенное художественное время и пространство, в которых происходит действие, точнее разворачивается поэтическое воображение.

С философской точки зрения время – “способ бытия мира”. Вполне понятно, что вопрос о сущности времени всегда связан с кардинальными переменами в жизни, а, следовательно, и в искусстве. С чрезвычайной остротой он встает в эпохи, когда возникает ситуация “конца и начала”, кануна, необходимости изменения в “способах существования” человека. Именно такой была в России эпоха рубежа XIX – XX веков.

Исследуя категорию художественного времени в творчестве М.Волошина, необходимо учитывать, что ему было свойственно характерное для представителей искусства конца XIX – начала XX века особое мироощущение человека *fin de siècle*, выраженное, прежде всего, в эсхатологических представлениях: конец века мировой истории рассматривался как символ грядущего преображения мира, нового богоявления, преддверия новой жизни в Вечности.

Для Волошина историческое понимание действительности выражается в стремлении воспринимать весь мир во времени и через время. Вся лирика поэта (независимо от ее тематики) пронизана чувством времени.

Время в лирике – это и “вид структурных, функциональных взаимосвязей в тексте”, и “отражение философских представлений художника” (2, 162). Анализ соотношений личного, исторического и внеисторического времени, а также “сдвигов” в его наполнении дает возможность сделать ряд существенных заключений, проясняющих отношения мира и личности в творчестве отдельно избранного художника слова.

Историки различают время обратимое и необратимое, в литературоведении первое называется мифологическим, второе – историческим. Согласно привычному нам восприятию, время – это вечность: она “охватывает все, что было, есть и будет; и кроме нее ничего нет” (3, 128). В представлении М.Волошина, время не просто данный исторический промежуток, связанный с определенными жизненными реалиями. Время интересует поэта как феномен, существующий сам по себе и изменяющий внешний мир.

Особенность творческой биографии М.Волошина состоит в том, что его философско-эстетические исследования появились до его первых поэтических публикаций. Однако философско-поэтическая концепция как своеобразное понимание и видение таких категорий, как Время, Вечность, Миг, Мгновение и т.д., была выражена в поэтической форме до соответствующих пояснений в эстетических разработках Волошина.

Волошинская категория вечности включает в себя все проявления жизни, и, чтобы приобщиться к вечности, необходимо научиться “ловить мгновенье”, - познавать и оценивать вечность через мгновенье. 14 июня 1905 г. в его дневнике была сделана следующая запись: «“Будьте смиренны перед мгновением”. Я каждый миг нарушал эту заповедь. Это было моей ложью. Тут я потерял вкус правды» (3, 111). Трактовка мгновенья как “магического кристалла, сквозь который мы можем увидеть весь мир в его целом”, восходит у поэта к Марселю Швоба. В статье “Париж и война. Русский балет” (1916 г.) М.Волошин писал: “Будь правдив во мгновении, потому что правда, которая длится, становится ложью” (3, 392). Эти волошинские слова дают возможность по-новому взглянуть на этический мир художника. Нравственный максимализм, доведенный до предела, – вот, пожалуй, какой вывод следует из слов “Будь

правдив во мгновении...”. Высокая требовательность к себе, глубокое этическое наполнение этих слов – свидетельство не только безграничной искренности и требовательности художника к себе. С полным правом можно говорить и об абсолютизации этического начала в мировоззрении Волошина как о характерной черте представителей русского символизма и как о новой ступени в этическом развитии человека.

Диалектический подход к осмыслению категории правды, которая в мировом этическом сознании всегда воспринималась как абсолютная истина, позволил М.Волошину постигнуть бытийную суть правды во времени и прийти к выводу, “что правда, которая длится, становится ложью”.

В эстетическом сознании М.Волошина возникает особый интерес к содержательной наполняемости категории мгновения, о чем свидетельствует письмо поэта к М.Сабашниковой от 17 апреля 1907 г.: “Мой грех я знаю – это грех перед мгновением. Раньше его не было, раньше я никогда не думал о завтрашнем дне, а теперь начал” (3, 392).

Данная мысль М.Волошина – своеобразное признание высоких нравственных законов человеческой личности и в то же время принципиальное требование к собственному внутреннему “Я”.

Именно миг, мгновение как первоначальные и концентрированные элементы длительности, в слиянии с которыми постигается бег времени, являются отправной точкой во временной концепции М.Волошина.

Таким образом, собственно жизнь оказывается ограничена мигом, где пересекаются те самые противоположности и противостоящие миры, часть которых доступна поэту-символисту, другая же часть всю его жизнь лишь приоткрывается ему и одновременно скрывается от него в “молчащем зеркале” Вечности.

Как видим, категория художественного времени в эстетических представлениях и поэзии М.Волошина рубежа веков периода носит вполне конкретный характер:

1) мгновение в мировоззренческой системе поэта выступает в качестве важнейшего этического начала;

2) лирическое мгновение становится ядром мифо-религиозного переживания, точкой перелома, в которой жизнь превращается в реальность;

3) миг, понимаемый как минимально возможная длительность, то есть количественный временной элемент, обретает статус формального измерения и содержательного наполнения Вечности.

Как одно из частных, специфических, но очень показательных проявлений “духа времени” мысль о “вечном возвращении” стала привлекать внимание философов и на Западе, и в России к концу XIX – началу XX века.

Д.Максимов так определяет интерес мыслителей к теме “вечного возвращения”: “Эта мысль звучала в Европе XIX века: громко у Шопенгауэра, вдохновляемого Упанишадами, интимно, в форме экзистенциального религиозного парадокса, у Киркегора и позже, с наибольшей энергией, – у Ницше” (4, 77).

Концепция “вечного возвращения” стала объектом пристального рассмотрения как лидеров русского символизма (см. анализ различных точек зрения на нее Д.Мережковского, З.Гиппиус, К.Бальмонта, А.Белого, Вяч.Иванова у Д.Максимова (4)), так и русских поэтов и писателей, стоявших вне символизма, например, М.Кузьмина, Л.Андреева, М.Волошина.

Для М.Волошина, который, несомненно, был знаком с идеями Мережковского и Белого о “вечном возвращении”, а также с первоисточниками рассуждений на эту тему самого Ницше, мысль о “вечном возвращении” не являлась своеобразным тезисом философской системы – такой системы у поэта вообще не было. В представлении Волошина, “вечное возвращение” – не онтологический закон, а скорее “метафорическая обличка, поэтическое заострение некоего субъективного комплекса переживаний, отражающих объективные исторические явления” (3, 81). Характерно, что в его статьях тема “вечного возвращения” в прямой форме не поднималась.

Исследование проблемы художественного времени у М.Волошина позволяет решить вопрос не только о роли и значении категории времени в его лирической системе, но и определить в его творчестве место тесно связанной с ней категории памяти. Стихотворение «Письмо» (1904) посвящено теме “бега времени”, в которой постоянно присутствие прошлого в настоящем и будущем, диалектика непрерывности и разломов, возвращение невозвратимого. За волошинскими образами открывается перспектива уходящего вдалеке времени.

С другой стороны, говорится о “стирании временных рамок”, когда собственное настоящее для поэта является предчувствием прошлого в будущем. По мысли О.Седаковой, “все времена стягиваются в одно – настоящее. Настоящее – не точка в линейном развитии, а вместилище и того, что прошло (на самом деле спряталось), и того, что идет (на самом деле таится)” (5, 96). Процесс “стирания временных рамок” исключительно сложен. В зависимости от избранной позиции он не только изменяет настоящее, не только трансформирует прошедшее, которое “практически никогда не кончается”, но всегда находится в

состоянии саморазвития, и тем самым меняет будущее. Это особенно заметно, когда речь идет о процессах культурного типа, т.е. о процессах, связанных с саморазвитием. В этом смысле исследования Ю.М.Лотмана о двух типах самоосознания культуры (осознания себя как процесса эволюционного и осознания себя как процесса взрывного) имеют свои основания: “Прошедшее создается по предсказуемым, с точки зрения настоящего, законам. Будущее же строится по законам гораздо более сложным и включающим всегда возможности выбора различных путей и случайности в определении этого выбора” (6, 381). Иными словами, будущее всегда менее организовано, содержит в себе элемент непредсказуемости и поэтому всегда, отмечает Ю.М.Лотман, информативно.

Вечность в волошинском понимании является полнотой времени. Мгновение – мельчайшая частица, “атом времени, который придает ему дискретный характер” (7, 51). Мгновение отождествляется с настоящим временем. Будущее представляет собой область чистой субъективности, мир духовного бытия. С прошлым временем связано понятие “преодоление времени”, позволяющее осуществить преемственность в движении времени. Сила, возвращающая прошлое, – память. Память, несмотря на хрупкость, все же сила, пронизывающая пласты времени; оно делает явным присутствие прошлого в настоящем и настоящего в прошлом, оно сопрягает то, что далеко стоит во времени и находит между разнородными явлениями глубинные, внутренние связи.

Все это восходит к символу “бега времени”, отражающему постоянный переход из мгновения в мгновение. Три временные стихии, “взаимно проникая, сливаясь и рождаясь одна за другой”, являют лишь способ познания бытия, заключающего в себе тождество мгновения и вечности.

Образ “бега времени”, дающий представление о бесконечном переходе из мгновения в мгновение, восходит к символу реки времени в гераклитовом смысле: “Все движется и ничего не стоит, и, уподобляя сущее течению реки, ... дважды в одну и ту же реку войти невозможно” (8, 65).

По глубокому убеждению поэта, эстетическое совершенство заключено в миге-мгновении наивысшего осознания, который одновременно означает и возможность наивысшего самовыражения: эстетическое возникает “оксюморонно”, то есть буквально на острие доведенной до предела противоречивости, где одновременно и отождествляются, и противопоставляются наивысшие моменты эстетического переживания экзистенции – Рождения и Смерти, Жизни и Красоты, Мгновения и Вечности, Времени и Пространства.

Многозначность символа позволяет поэту заглянуть за грань осязаемой реальности мира, вскрыть таинственную сущность незримого, постигнуть силу и тайну памяти, так как в ней “гнездятся творческие корни духа”.

По мысли М.Волошина, «память – отвес духа; она – связь того, что вне времени, с временем, воплощенным в слове» (9, 74), и она не позволяет нам совершать новые ошибки. И если еще в 1901 г. в стихотворении “В вагоне”, написанном в поезде между Парижем и Тулузой, поэт с легкостью утверждал:

Страх это? Горе? Раздумье? Иль что ж это?

Новое близится, старое прожито.

Прожито – отжито. Вынуто – выпито...

Ти-та-та... та-та-та... та-та-та... ти-та-та... (10, 13), -

то уже спустя три года в его лирике выстраивается концепция, согласно которой поэтическая память – не только универсальный интегратор, но и предпосылка, основополагающее начало сопряжения временных пластов, обуславливающее непрерывность жизненных процессов. Так, в стихотворении “Письмо” (1904 г.) лирическое “Я” поэта обретает себя “в туманах памяти”, “в озерах памяти” и аромат воспоминаний” говорит о том, что “мгновенья полные, как годы” и “всю цепь промчавшихся мгновений/Я мог бы снова воссоздать”.

В общей концепции художественной памяти М.Волошина определенную роль играет идея платоновского анамнезиса – “прапамяти”, мистического “припоминания”, открывающего доступ в “миры иные” (3, 328-331, 454).

Память в представлении поэта – это обязательное неизменное присутствие прошлого в душе каждого человека и в то же время – это знание о высоком, входящем в пределы индивидуального: об идеале, о мире, о людях, о долге, – обо всем, что имело место в истории развития цивилизации. Человек, имеющий память и умеющий помнить, органически связан с миром, что, в свою очередь, способствует творческому развитию и человека, и мира.

Из-за постоянного присутствия прошлого в настоящем, в силу абсолютной *незабвенности*, само понятие “память” – это власть прошлого над душой лирического героя М.Волошина. Образами хранимого прошлого в стихотворении “Письмо” (1904 г.) оказываются реалии исторической действительности, которые в связи с конкретностью и всеизвестностью удовлетворяют вневременную причастность памяти к порядку Вечности. Прежде всего здесь следует назвать страны и города, упомянутые Волошиным в стихотворении как символы исторических эпох: Египет (древняя

цивилизация), Париж (олицетворение всей средневековой Франции).

Память – это хранилище памятников многовековой культуры. Поэт в этом лирическом стихотворении “вспоминает” многочисленные архитектурные ансамбли (Тюильри, Версаль, Трианон, Лувр, церковь Сен-Жермен л’Оксерруа) и крупнейших французских живописцев (Ж.-Б.Грез, А.Ватто, Ф.Буше, Ж.-Б.Шарден, К.Коро, Ж.-Ф.Милле, Э.Делакруа, Ж.Фуке, О.Редон), произведения, которые помогают сохранить историческую память прошлого. Все они сосредоточены в Лувре, а Лувр, в представлении поэта, – это возможность из Египта перешагнуть в Грецию, побродить по античному Риму, посетить средневековую Европу.

М.Волошин, рассматривая память как вневременную категорию, причастную к Вечности, наделяет ее правом хранить дух Времени; в стихотворении это – многочисленные мифологические библейские образы и мотивы: легендарная Таиах, сибиллы, драконы, маги, химеры, Ева, Невеста Христа, Соблазнитель, Дьявол.

Категория памяти в “Письме” реализуется поэтом в оппозиции “тишина, молчание” – “крик”, которая восходит к мифопоэтической формуле: “Cum tacent, clamant” – “Тем, что они молчат, они кричат”. По мысли Волошина, память лирического героя фиксирует следы, отпечатки Времени, заявляющие о себе “шероховатостью старых плит”, серостью мрамора, покрытого мхом. Былая красота дворцов, фонтанов, парков “отошла”, вокруг пустота и тишина. Но, в понимании автора, это особая, кричащая тишина. Она пронизана “ароматом воспоминаний”, в котором перемешаны запах “фиалок, мимоз и угольная копоть”. Невольно задаешься вопросом: сколько столетий складывалась эта атмосфера? Перебирая в памяти многочисленные имена, события, поэт словно бы созидает историю стран и эпох во всем единстве, а “сердцем человечества”, “сердцем культуры”, по мнению М.Волошина, является Париж: “Но разве Париж – это только Франция? Нет, это весь мир!” (9, 122).

С точки зрения поэта, история молчалива, молчит и Время, все, о чем они когда-то говорили, остается для последующих поколений загадкой, священным таинством символа, знака, буквы:

*Как в этих сложных письменах
Понять значенье каждой буквы?
Их взгляд, как взгляд змеи, тягуч...
Закрота дверь. Потерян ключ (10, 90).*

В этих волошинских строках отражена изначальная убежденность поэта в том, что содержимое личной памяти неприступно и неприкосновенно: “Закрота дверь. Потерян ключ”. Каждый человек имеет право быть распорядителем собственной памяти, беречь ее и хранить.

Лирический герой стихотворения “Письмо” с его внутренним зрением, обращенным вспять, различает гармонию мира, любовь, красоту не в настоящем, а *сквозь* настоящее, *сквозь* жизненные притяжения и отталкивания:

*И этот мир – Христа Невеста –
Она решила и идет:
В ней все дрожит, в ней все поет,
В ней робость и бесстыдство жеста,
Желанье, скрытое стыдом,
И упоение грехом (10, 90).*

Воскрешение истоков, по М.Волошину, происходит благодаря памяти – “ключу”. Совершается это не под знаком духовного борения и зрелой переоценки жизни (ср. с классически ясными решениями этой же темы в стихотворениях А.С.Пушкина “Возрождение” и М.Ю.Лермонтова “Выхожу один я на дорогу...”), а через выпадение из настоящего; иначе говоря, забвение становится не отрицанием, а условием существования памяти: “Документ не только должен быть найден и воспринят, но еще должен быть забыт. Другими словами, должен стать частью художника настолько, чтобы перестать доходить до его сознания. Потому что забвение это не потеря, а окончательное усвоение” (9, 221). Это положение М.Волошин отразил в емкой поэтической формуле:

*Забуть – не значит потерять,
А окончательно принять –
В себя, на дно, навек (10, 75).*

Для поэта очень важна сама связь поколений, их преемственность; бессмертие человека прямо отождествляется с памятью потомков. Тогда память – это собственно ключ, который потерян, но каждое поколение стремится отыскать его, чтобы открыть заветную дверь в прошлое.

1. Егоров Б.Ф. Категория времени в русской поэзии XIX века // Ритм, пространство и время в литературном произведении. – Л., 1987.
2. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Философия. Мифология. Культура. – М., 1991.

3. Волошин М. История моей души. – М., 1999.
4. Максимов Д.Е. Поэзия и проза А. Блока. – Л., 1975.
5. Седакова О.А. Шкатулка с Зеркалом: Об одном глубинном мотиве А.А.Ахматовой //Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. – Вып. 641. – Тарту, 1984.
6. Лотман Ю.М. О русской литературе классического периода. Вводные замечания // Лотман Ю.М. и тартуско-московская семиотическая школа. – М., 1994.
7. Жарких В.Б. Мгновение и вечность // VIII-IX Волошинские чтения. – Коктебель, 1997.
8. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты: Образные выражения. – М., 1998.
9. Волошин М. Письмо из Парижа. I. Итоги импрессионизма. II. Англада //Волошин М. Лики творчества. – Л., 1989.
10. Волошин М.А. Избранное. – СПб., 1997.